

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-266-271

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ТАРАБОРИН Роман Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала РАНХиГС,

e-mail: z-nit@yandex.ru

КОНСТАНТИНОВА Анастасия Александровна,

директор ГКУСО «Государственный архив Свердловской области»,

e-mail: z-nit@yandex.ru

ПАРТИКУЛЯРНОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ АВТОНОМИИ: ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ

Аннотация. Представленная публикация посвящена анализу правового положения Великого княжества Финляндского в составе Российской империи и этапам его присоединения к России.

Авторами установлено, что интеграция финских земель шла поэтапно на протяжении почти века:

в 1721 г. по Ништадтскому миру к России отошла Карелия с дистриктом Выборгского лена;

в 1743 г. по Абоскому миру была присоединена Кюменегорская провинция; окончательное присоединение произошло в 1808–1809 гг., закреплено Фридрихсгамским мирным договором (5 сентября 1809 г.).

На ранних этапах российская власть частично сохраняла шведское законодательство и местные правовые порядки. Ключевым этапом стало правление Александра I: император принял титул Великого князя Финляндского и подчинил управление княжеством лично себе. В 1809 г. был созван сейм в Борго, а манифест от 15 марта 1809 г. подтвердил сохранение религии, «коренных законов», прав и преимуществ населения.

В результате сформировалось автономное положение Великого княжества Финляндского со следующими характеристиками:

непосредственное подчинение императору;

сохранение прежней административно управленческой и судебной системы на основе шведского законодательства (Всеобщее уложение Швеции 1807 г.);

создание местных органов власти (Правительствующий совет, Комиссия финляндских дел) из финских граждан;

особый порядок взаимодействия с имперскими институтами — через Комиссию финляндских дел.

Таким образом, автономия княжества была дарована императорской властью при сохранении верховенства российского монарха над территорией как частью единого государства.

В исследовании резюмируется, что особое правовое положение Великого княжества Финляндского было закреплено в Своде законов Российской империи 1832 г. – в ст. 4 Основных государственных законов. Это означало, что нахождение Великого княжества в составе империи обуславливается соединением в лице императора верховной власти в Финляндии с всероссийской верховной властью. Данная статья оставалась в силе вплоть до издания новых Основных государственных законов 1906 г., изменивших формулировку, но не юридическое основание нахождения княжества в составе Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, интеграция, Великое княжество Финляндское, манифест, законодательные акты, сейм, автономия.

TARABORIN Roman Sergeevich,

doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Ural Institute of Management – a branch of RANEPA

KONSTANTINOVA Anastasia Alexandrovna,

director of the State Archive of the Sverdlovsk Region

PARTICULAR LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE UNDER AUTONOMY: THE GRAND DUCHY OF FINLAND

Annotation. *This publication analyzes the legal status of the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire and the stages of its annexation by Russia.*

The authors found that the integration of the Finnish lands occurred in stages over nearly a century:

in 1721, Karelia and the Vyborg County district were ceded to Russia by the Treaty of Nystad;

in 1743, the Kymenegorsk Province was annexed by the Treaty of Åbo;

the final annexation occurred in 1808–1809, sealed by the Treaty of Fredrikshamn (September 5, 1809).

In the early stages, Russian authorities partially retained Swedish legislation and local legal systems. A key milestone occurred during the reign of Alexander I: the emperor assumed the title of Grand Duke of Finland and subordinated the administration of the principality to himself. In 1809, the Diet convened in Borgo, and the manifesto of March 15, 1809, confirmed the preservation of religion, “fundamental laws,” and the rights and privileges of the population.

As a result, the autonomous status of the Grand Duchy of Finland was established with the following characteristics:

direct subordination to the Emperor;

preservation of the previous administrative, managerial, and judicial system based on Swedish legislation (the General Code of Sweden of 1807);

the creation of local authorities (the Governing Council, the Finnish Affairs Commission) composed of Finnish citizens;

a special procedure for interaction with imperial institutions—through the Finnish Affairs Commission.

Thus, the autonomy of the principality was granted by imperial power while maintaining the supremacy of the Russian monarch over the territory as part of a single state. The study summarizes that the special legal status of the Grand Duchy of Finland was enshrined in the Code of Laws of the Russian Empire of 1832—in Article 4 of the Fundamental State Laws. This meant that the Grand Duchy’s inclusion within the empire was conditioned by the unification of the supreme authority in Finland, in the person of the Emperor, with the supreme authority of all Russia. This article remained in effect until the issuance of the new Fundamental State Laws of 1906, which changed the wording, but not the legal basis, for the principality’s inclusion within the Russian Empire.

Key words: *Russian Empire, integration, Grand Duchy of Finland, manifesto, legislative acts, Seimas, autonomy.*

Анализируя правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, прежде всего, следует отметить, что Финская территория, ранее входившая в состав Королевства Швеция, была присоединена к России в три этапа, растянувшиеся почти на целый век.

Первой по условиям Ништадтского мира 1721 г. к России отошла «Карелия с дистриктом Выборгского лена», образовавшие Выборгскую провинцию.

Новая война со Швецией 1741–1743 гг., вызванная попыткой реванша Королевства за предыдущие поражения, вновь принесла России военный успех и приращение территории за счет финских земель. По условиям заключенного

в г. Або «трактата о вечном мире» (17 августа 1743 г.) Швеция подтвердила территориальные изменения 1721 г. и уступила Российской империи еще одну часть Финляндского княжества — тянувшуюся полосой вдоль Выборгской провинции Кюменегорскую провинцию [1, С. 844–845].

В 1721 г. российской властью официально не было оговорено сохранение жителям Карелии с дистриктом Выборгского лена прежних прав и привилегий (как это было сделано в Эстляндии и Лифляндии), хотя де-факто продолжило применяться шведское законодательство.

Но в «Манифесте Герцогству Финляндскому» Елизаветы Петровны (18 марта 1842 г.) уже содержалось конкретное обещание, что всякий житель Финляндии «вполне будет продолжать покойно владеть движимым и

недвижимым имуществом, не будет терпеть каких бы то ни было притеснений» [2, С. 131-132]. При ратификации Абоского мира было подтверждено, что имевшиеся при шведском правлении «привилегии, обыкновения, права и справедливости» «постоянно и непоколебимо содержаны, и защищены будут».

В результате в правовом пространстве Российской империи в территориальных пределах новосозданной 14 января 1744 г. из всех финляндских завоеваний Выборгской губернии оформился новый сегмент партикулярного – шведского по своим источникам – права.

Политика власти в Выборгской губернии до 1783 г. была аналогична политике в Эстляндии и Лифляндии: сохранялись прежние правовые порядки, но назначался русский губернатор как орган высшего контроля, а установленные при шведах налоги взымались в имперскую казну. За этим исключением центральная власть ограничивалась изданием отдельных сенатских указов не принципиального характера, то есть «во всем остальном Финляндия продолжала жить собственной жизнью и подчиняться своим прежним, созданным еще Швецией порядкам» [3, С. 414-415].

Окончательно судьба всех финляндских земель была решена в ходе этой последней в истории войны двух стран 1808-1809 гг. Весной 1808 г. русские войска заняли практически всю южную и среднюю части Финляндского княжества в составе Швеции, и двумя актами Александр I определил его новое положение.

В Декларации о разрыве мира с Швецией 16 марта заявлялось, что «отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась Шведскою, ... признается областью, российским оружием покоренной, и навсегда присоединяется к Российской империи». В Манифесте 20 марта «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» повторялась та же формулировка: «Страну сию, оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи, и вследствие того повелели Мы принять от обывателей ее присягу на верное Престолу Нашему подданство».

В следующем Манифесте 5 июня 1808 г., обращенном к «верноподданным обывателям новоприсоединенной Финляндии всякого чина и состояния», акцент был сделан на подчеркивание «необратимости, незыблемости и вечности единения» Финляндии с Россией и приобретении жителями Финляндии равных прав с многочисленными народами империи при сохранении «древних установлений» их страны [2, С.133-134].

По мнению Б. Э. Нольде, программа завоевания Финляндии предусматривала «присоединение страны, не дожидаясь мирного договора с Швецией, переговоры с этой целью с депутатами и дарование Финляндии привилегий, прав, вольностей и преимуществ по образцу других автономных русских губерний».

5 сентября 1809 г. был заключен Фридрихсгамский мирный договор. В Манифесте 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» содержалось, на наш взгляд, ключевое положение, ясно объяснявшее военно-стратегическую значимость завоевания Финляндии: «постановлением Империи Нашей непреложных и безопасных границ измеряем Мы наипаче выгоды сего мира. Новые владения Наши, с одной стороны, огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспеченные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой окруженные Ботническим заливом и отделенные от соседей большими реками Торнео и Муонио, всегда будут составлять твердую и незыблемую ограду Империи Нашей» [4, С. 1187].

Военно-стратегическая значимость Финляндии для империи была впоследствии подтверждена в ходе Крымской и первой мировой войн. Это объясняет и последовательность правительственной политики в отношении уникального среди остальных национальных регионов империи правового положения Великого княжества Финляндского.

В конце 1811 г. в составе Российской империи окончательно оформился новый национальный регион, прежде являвшийся частью Шведского королевства, – Великое княжество Финляндское с иным, чем в других регионах, этноконфессиональным составом населения, собственными социокультурными и правовыми традициями. Российская власть вновь оказалась перед дилеммой: унификация правового положения новой территории или сохранение в ней партикулярности.

Позиция российских властей и лично императора определялась, по всей видимости, конкретно-исторической ситуацией, в которой Россия находилась в 1808-1811 гг.: продолжалась изнурительная война с Турцией и велика была вероятность скорой новой войны с Наполеоном. Поэтому существовала настоятельная потребность в скорейшей стабилизации положения в таком стратегически важном регионе, как Финляндия, а это в первую очередь требовало достижения лояльности его коренного населения в лице элиты, занимавшей основные административные посты в предыдущий шведский период.

В такой ситуации было возможно только

одно решение, но принципиально важным оказался способ его реализации, избранный Александром I: приняв титул Великого князя Финляндского, он подчинил управление новой территорией лично себе. Еще при рассмотрении в 1808 г. проекта главного управления в Новой Финляндии император установил, что создаваемая местная финляндская администрация будет подчиняться ему лично и, значит, выведена из-под контроля российских министерств [5, С. 18-19]. Тем самым, было заложено важнейшее основание будущего автономного положения Великого княжества Финляндского – личная воля императора.

Это основание получило закрепление в согласии, данном Александром I 20 января 1809 г. на созыв в г. Борго финляндского сейма «для суждений по тем предметам, кои Мы признаем за благо доверить их обсуждению» [2, С. 135-136].

Сейм открылся 16 марта, а 15 марта 1809 г. Александр I подписал Манифест, гласивший «Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие от мала до велика, по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в нерушимости и непреложной их силе и действии; во удостоверение сего и сию Грамоту собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили» [6, С. 335].

В этом документе имелось немаловажное отличие от традиционных обещаний российских монархов XVIII века: упоминались «коренные законы» и «конституции», как юридические основания прав и преимуществ местного населения.

В российской юридической и историко-правовой литературе не раз обсуждался подлинный правовой смысл использованной Александром I формулировки.

В свете его последующей политики убедительной представляется точка зрения, что «коренные законы» означали правовые традиции финнов, а «конституции» – установленные в шведских законах (уставах и учреждениях) права и привилегии сословий и частных лиц в Финляндии. Можно согласиться с Б.Э. Нольде, что в акте 15 марта 1809 г. Финляндия рассматривалась как присоединенная к России территория, получившая общее подтверждение действовавшего в ней до присоединения публичного и частного права [3, С. 493].

Иная точка зрения, утверждавшая, что имелась в виду собственно шведская конституция, то есть конституционные акты 1772

и 1789 гг., не выглядит юридически убедительной, поскольку в данных актах устанавливалась государственная форма Шведского королевства, после присоединения Финляндии к Российской империи, естественно, утратившая для нее свою силу.

Сейму в Борго было предложено обсудить вносимые от имени императора вопросы и представить ему соответствующие мнения. В число таких вопросов вошли военное устройство, взимание податей, монетная система и избрание членов в Правительственный совет (де-факто предназначенный выполнять функции местного правительства), учрежденный еще 19 ноября 1808 г. [7, С. 239-241]. Следовательно, само создание этого Совета как органа центральной местной власти обсуждению не подлежало.

23 марта 1809 г. в Борго был издан еще один Манифест, обращенный к жителям Финляндии по случаю принесения ими присяги новой российской власти. В нем вновь торжественно подтверждалось «сохранение религии, коренных законов, прав и преимуществ, коими каждое сословие в частности и все жители Финляндии вообще доселе пользовались», но упоминание «конституций» отсутствовало.

Наконец, 7 июля 1809 г., вновь посетив Борго по случаю закрытия сейма, Александр I произнес пространную заключительную речь, основной смысл которой обнаруживался в обращении к депутатам, что «мнения, которые вы сейчас изложили, носят характер мудрости и любви к отечеству. Я приму их в соображение в важном деле, мною обдумываемом в видах вашего преуспевания» [6, С. 409]. Тем самым император ясно дал понять, что верховная власть в княжестве принадлежит лично ему, значит, ему и решать, какие и в какой мере мнения участников сейма будут приняты во внимание.

Об истинном отношении к этим мнениям и к самому институту финляндского сейма, по нашему мнению, свидетельствует тот факт, что в правления Александра I и Николая I сейм больше не созывался, несмотря на просьбы об этом, поступавшие из Финляндии.

Таким образом, совокупностью решений императорской власти 1808-1811 гг. оформилось юридическое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи как автономного регионального образования, находившегося в непосредственном подчинении императору, осуществлявшему свое управление через специально созданные органы. Губернское и местное управление, оставшиеся от Швеции, российской властью не изменялись, но создание центрального органа в самой Финляндии было необходимо, хотя бы потому, что его в шведский

период просто не существовало.

Суммируя правовой смысл всех рассмотренных мер по организации управления новой территорией, следует, по нашему мнению, заключить, что в Великом княжестве Финляндском устанавливалось единоличное правление императора, осуществлявшееся с использованием промежуточных административных механизмов между ним и населением (вернее элитой): Правительствующего совета и Комиссии финляндских дел, состоявших только из финнов, и российского генерал-губернатора, назначавшегося императором.

Но при этом на территории княжества устанавливалась административно-правовая автономия, отличавшая его правовое положение внутри империи. На наш взгляд, доказательством могут служить следующие его системные характеристики.

Во-первых, за исключением создания Правительствующего совета, остальная административно-управленческая (на уровне губерний, провинций и городов) и судебная система княжества сохранилась в прежнем виде и функционировала на основании прежних шведских законов и постановлений.

Во-вторых, Правительствующий совет и Комиссия финляндских дел состояли только из финских граждан и были защищены от вмешательства в их деятельность других высших органов российской власти, включая сенат и министерства. Все отношения различных российских институций с Финляндией должны были осуществляться через Комиссию финляндских дел.

Так, после соединения Старой и Новой Финляндии в конце 1811 г. последовал сенатский указ от 12 февраля 1812 г. «О сношениях по финляндским делам чрез Председателя Финляндской комиссии». Такой порядок не раз подтверждался и впоследствии, например, в двух сенатских указах 1819 г.: «О сношении присутственных мест по делам, относящимся до Финляндии, чрез Министра Юстиции» (3 февраля) и «О порядке сношений с Княжеством Финляндским» (11 августа).

В-третьих, источником всех правоотношений внутри Финляндии, как между административными органами и жителями, так и между самими жителями, осталось шведское законодательство, кодифицированное во Всеобщем уложении Швеции (*Sveriges Rikes Allmänna Lag*), изданном в 1807 г. В нем воспроизводился текст Шведского Уложения 1734 г. с изменениями и дополнениями, внесенными последующими королевскими постановлениями и решениями *риксдагов* [2, С. 77]. Всеобщее уложение

структурно состояло из тех же девяти Отделений, что и Уложение 1734 г., и включало правовые нормы, в основном систематизированные по отраслям: соответственно о браке, наследстве, недвижимостях, строении, торговле, преступлениях, наказаниях, взысканиях, судопроизводстве. Но систематизация не всегда четко выдерживалась, например, в Отд. IV. «О строении» содержались главы, касавшиеся сельскохозяйственного, лесного, врачебного, строительного, почтового и др. уставов, а также гражданского и уголовного права; гражданские законы и законы о состояниях имелись и в Отд. V. «О торговле» и т. п. [9, С. 24].

Однако единственным юридическим основанием для обладания Великим княжеством Финляндским статусом автономного образования в составе империи являлась совокупность правовых актов, исходивших от российского императора и совершенных по его самодержавной воле. Поэтому правильно будет сказать, что административно-правовая автономия была дарована княжеству императорской властью, установившей условием дарения сохранение за собой правового верховенства над Финляндией как частью единого Российского государства.

Особое правовое положение Великого княжества Финляндского было закреплено в Своде законов Российской империи 1832 г. – в ст. 4 Основных государственных законов: «С Императорским Всероссийским Престолом нераздельны суть Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского». Это означало, что нахождение Великого княжества в составе империи обуславливается соединением в лице императора верховной власти в Финляндии с всероссийской верховной властью. Данная статья оставалась в силе вплоть до издания новых Основных государственных законов 1906 г., изменивших формулировку, но не юридическое основание нахождения княжества в составе империи.

Следовательно, Великое княжество Финляндское, перейдя от управления одним монархом (Густавом IV) к управлению другим монархом (Александром I) сохранилось как целостное административно-правовое образование, обладавшее прежним публичным (частично ограниченным в пользу верховной российской власти) и частным правом, то есть в его пределах возник самый значительный сегмент партикулярного права в империи. Однако стабильность последнего в силу своеобразия оснований финляндской автономности не могла быть неизменной.

Список литературы:

[1] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XI. № 8748. СПб., 1830. 990 с.

[2] Шиловский П. М. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 145 с.

[3] Нольде А.Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Тип. «Правда», 1911. 554 с.

[4] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXX. № 23883. СПб., 1913. 1408 с.

[5] Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013. 137 с.

[6] Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Т. II. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 713 с.

[7] Бородин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. 635 с.

[8] Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Попытка кодификации Литовско-польского права. СПб., 1914. 668 с.

[9] Корево Н. Н. Издания местных законов Российской империи. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. 57 с.

References:

[1] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. XI. NO. 8748. St. Petersburg, 1830. 990 s.

[2] Shilovsky P.M. Acts related to the political situation of Finland. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1903. 145 s.

[3] Nolde A.E. Essays on Russian state law. St. Petersburg: Type. "Truth," 1911. 554 p.

[4] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. XXX. № 23883. St. Petersburg, 1913. 1408 pp.

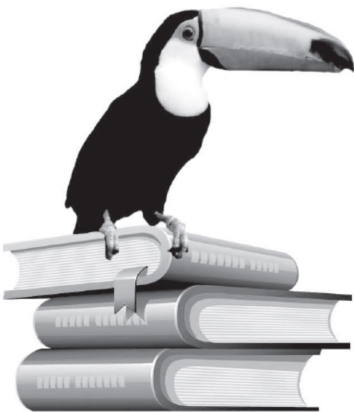
[5] Suni L.V. Grand Duchy of Finland (first half of the 19th century). Establishment of autonomy. Petrozavodsk, 2013. 137 pp.

[6] Ordin K. F. Conquest of Finland. T. II. SPb.: Type. I.N. Skorokhodova, 1889. 713 p.

[7] Borodkin M. M. History of Finland. Time of Emperor Alexander I. St. Petersburg, 1909. 635 p.

[8] Nolde A.E. Essays on the history of the codification of local civil laws under Count Speransky. Attempted codification of Lithuanian-Polish law. St. Petersburg, 1914. 668 p.

[9] Korevo N. N. Editions of local laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Type. A.S. Suvorina, 1907. 57 pp.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru